

Булат Окуджава (96)

* * *

Ах война, что ж ты сделала, подлая:
Стали тихими наши дворы,
Наши мальчики головы подняли,
Повзрослели они до поры,
На пороге едва помаячили
И ушли, за солдатом — солдат...
До свидания, мальчики! Мальчики,
Постарайтесь вернуться назад.
Нет, не прячьтесь, вы будьте высокими,
Не жалейте ни пуль, ни гранат,
И себя не щадите, и все-таки
Постарайтесь вернуться назад.
Ах война, что ж ты, подлая, сделала:
Вместо свадеб — разлуки и дым.
Наши девочки платица белые
Раздарили сестренкам своим.
Сапоги — ну куда от них денешься?
Да зеленые крылья погон...
Вы наплюйте на сплетников, девочки,
Мы сведем с ними счеты потом.
Пусть болтают, что верить вам не во что,
Что идете войной наугад...
До свидания, девочки! Девочки,
Постарайтесь вернуться назад.

Алексей Сурков

В ЗЕМЛЯНКЕ (86)

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.
О тебе мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтоб услышала ты,
Как тоскует мой голос живой.
Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти не легко,
А до смерти — четыре шага.
Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От твой негасимой любви.

Под Москвой, 1941г., ноябрь

УТРО ПОБЕДЫ (86)

Где трава от росы и от крови сырая,
Где зрочки пулеметов свирепо глядят,
В полный рост, над окопом переднего края,
Поднялся победитель-солдат.
Сердце билось о ребра прерывисто, часто.
Тишина... Тишина... Не во сне — наяву.
И сказал пехотинец: — Отмаялись! Баста!-
И заметил подснежник во рву.
И в душе, тосковавшей по свету и ласке,

Ожил радости прежней певучий поток.
И нагнулся солдат и к простреленной каске
Осторожно приладил цветок.
Снова ожили в памяти были живые —
Подмосковье в снегах и в огне Сталинград.
За четыре немислимых года впервые,
Как ребенок, заплакал солдат.
Так стоял пехотинец, смеясь и рыдая,
Сапогом попирая колючий плетень.
За плечами пылала заря молодая,
Предвещая солнечный день.
1945г.

Твардовский

Дом бойца (106)

Столько было за спиною
Городов, местечек, сел,
Что в село свое родное
Не заметил, как вошел.
Не один вошел — со взводом,
Не по улице прямой —
Под огнем, по огородам
Добирается домой...
Кто подумал бы когда-то,
Что достанется бойцу
С заряженной гранатой
К своему ползти крыльцу?
А мечтал он, может статья,
Подойти путем другим,
У окошка постучаться

Жданным гостем, дорогим.
На крылечке том с усмешкой
Притаиться, замереть.
Вот жена впотьмах от спешки
Дверь не может отпереть.
Видно знает, знает, знает,
Кто тут ждет за косяком...
«Что ж ты, милая, родная,
Выбегаешь босиком?..»
И слова, и смех, и слезы —
Все в одно сольется тут.
И к губам, сухим с мороза,
Губы теплые прильнут.
Дети кинутся, обнимут...
Младший здорово подрос...
Нет, не так тебе, родимый,
Заявиться довелось.
Повернулись по-иному
Все надежды, все дела.
На войну ушел из дому,
А война и в дом пришла.
Смерть свистит над головами,
Снег снарядами изрыт.
И жена в холодной яме
Где-нибудь с детьми сидит.
И твоя родная хата,
Где ты жил не первый год,
Под огнем из автоматов
В борозденках держит взвод.
— До какого ж это срока, —

Говорит боец друзьям, —
Поворачиваться боком
Да лежать, да мерзнуть нам?
Это я здесь виноватый,
Хата все-таки моя.
А поэтому, ребята, —
Говорит он, — дайте я...
И к своей избе хозяин,
По-хозяйски строг, суров,
За сугробом подползает
Вдоль плетня и клетки дров.
И лежат, следят ребята:
Вот он снег отгреб рукой,
Вот привстал. В окно — граната,
И гремит разрыв глухой...
И неспешно, деловито
Встал хозяин, вытер пот...
Сизый дым в окне разбитом,
И свободен путь вперед.
Затянул ремень потуже,
Отряхнулся над стеной,
Заглянул в окно снаружи —
И к своим: — Давай за мной...
А когда селенье взяли,
К командиру поскорей:
— Так и так. Теперь нельзя ли
Повидать жену, детей?..
Лейтенант, его ровесник,
Воду пьет из котелка.
— Что ж, поскольку житель местный...-

И мигнул ему слегка. —

Но гляди, справляйся срочно,

Тут походу не конец. —

И с улыбкой: — Это точно, —

Отвечал ему боец...

.....
Расул Гамзатов (106)

Нас двадцать миллионов

От неизвестных и до знаменитых,

Сразить которых годы не вольны,

Нас двадцать миллионов незабытых,

Убитых, не вернувшихся с войны.

Нет, не исчезли мы в крошечном дыме,

Где путь, как на вершину, был не прям.

Еще мы женам снямся молодыми,

И мальчиками снямся матерям.

А в День Победы сходим с пьедесталов,

И в окнах свет покуда не погас,

Мы все от рядовых до генералов

Находимся незримо среди вас.

Есть у войны печальный день начальный,

А в этот день вы радостью пьяны.

Бьет колокол над нами поминальный,

И гул венчальный льется с вышины.

Мы не забылись вековыми снами,

И всякий раз у Вечного огня

Вам долг велит советоваться с нами,

Как бы в раздумье головы клоня.

И пусть не покидает вас забота

Знать волю не вернувшихся с войны,

И перед награждением кого-то

И перед осуждением вины.
Все то, что мы в окопах защищали
Иль возвращали, кинувшись в прорыв,
Беречь и защищать вам завещали,
Единственные жизни положив.
Как на медалях, после нас отлитых,
Мы все перед Отечеством равны
Нас двадцать миллионов незабытых,
Убитых, не вернувшихся с войны.
Где в облаках зияет шрам наскальный,
В любом часу от солнца до луны
Бьет колокол над нами поминальный
И гул венчальный льется с вышины.
И хоть списали нас военкоматы,
Но недругу придется взять в расчет,
Что в бой пойдут и мертвые солдаты,
Когда живых тревога призовет.
Будь отвратима, адова година.
Но мы готовы на передовой,
Воскреснув,
вновь погибнуть до едина,
Чтоб не погиб там ни один живой.
И вы должны, о многом беспокоясь,
Пред злом ни шагу не подавшись вспять,
На нашу незапятнанную совесть
Достойное равнение держать.
Живите долго, праведно живите,
Стремясь весь мир к собратству
сопричесть,
И никакой из наций не хулите,

Храня в зените собственную честь.
Каких имен нет на могильных плитах!
Их всех племен оставили сыны.
Нас двадцать миллионов незабытых,
Убитых, не вернувшихся с войны.
Падучих звезд мерцает зов сигнальный,
А ветки ив плакучих склонены.
Бьет колокол над нами поминальный,
И гул венчальный льется с вышины.

.....
Симонов

АТАКА (96)

Когда ты по свистку, по знаку,
Встав на растоптанном снегу,
Готовясь броситься в атаку,
Винтовку вскинул на бегу,
Какой уютной показалась
Тебе холодная земля,
Как все на ней запоминалось:
Примерзший стебель ковыля,
Едва заметные пригорки,
Разрывов дымные следы,
Щепоть рассыпанной махорки
И льдинки пролитой воды.
Казалось, чтобы оторваться,
Рук мало — надо два крыла.
Казалось, если лечь, остаться —
Земля бы крепостью была.
Пусть снег метет, пусть ветер гонит,
Пускай лежать здесь много дней.

Земля. На ней никто не тронет.
Лишь крепче прижимайся к ней.
Ты этим мыслям жадно верил
Секунду с четвертью, пока
Ты сам длину им не отмерил
Длиною ротного свистка.
Когда осекся звук короткий,
Ты в тот неуловимый миг
Уже тяжелою походкой
Бежал по снегу напрямик.
Осталась только сила ветра,
И грузный шаг по целине,
И те последних тридцать метров,
Где жизнь со смертью наравне!

1942г.

.....

А. Суркову (106)

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди,
Как слезы они вытирали украдкою,
Как вслед нам шептали:- Господь вас спаси!-
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.
Слезами измеренный чаще, чем верстами,
Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,
Как будто за каждую русской околицей,

Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.
Ты знаешь, наверное, все-таки Родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.
Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовьей слезою и с песнею женскою
Впервые война на проселках свела.
Ты помнишь, Алеша: изба под Борисовом,
По мертвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как на смерть одетый, старик.
Ну что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но, горе поняв своим бабьим чутьем,
Ты помнишь, старуха сказала: - Родимые,
Покуда идите, мы вас подождем.
«Мы вас подождем!»- говорили нам пажити.
«Мы вас подождем!»- говорили леса.
Ты знаешь, Алеша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.
По русским обычаям, только пожарища
На русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирали товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.
Нас пули с тобою пока еще милуют.
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я все-таки горд был за самую милую,

За горькую землю, где я родился,
За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

1941г.
.....

Жди меня, и я вернусь...(86)

Жди меня, и я вернусь.

Только очень жди,

Жди, когда наводят грусть

Желтые дожди,

Жди, когда снега метут,

Жди, когда жара,

Жди, когда других не ждут,

Позабыв вчера.

Жди, когда из дальних мест

Писем не придет,

Жди, когда уж надоест

Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь,

Не желай добра

Всем, кто знает наизусть,

Что забыть пора.

Пусть поверят сын и мать

В то, что нет меня,

Пусть друзья устанут ждать,

Сядут у огня,

Выпьют горькое вино

На помин души...

Жди. И с ними заодно

Выпить не спеши.
Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: — Повезло.
Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой,-
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.
1941г.

Юлия Друнина

ЗИНКА (106)

Памяти однополчанки — Героя Советского Союза Зины Самсоновой.

1.
Мы легли у разбитой ели,
Ждем, когда же начнет светлеть.
Под шинелью вдвоем теплее
На продрогшей, сырой земле.
— Знаешь, Юлька, я против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Где-то в яблочном захолустье
Мама, мамка моя живет.
У тебя есть друзья, любимый,
У меня лишь она одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,

За порогом бурлит весна.
Старой кажется: каждый кустик
Беспокойную дочку ждет.
Знаешь, Юлька, я против грусти,
Но сегодня она не в счет...
Отогрелись мы еле-еле,
Вдруг неожиданный приказ: «Вперед!»
Снова рядом в сырой шинели
Светлокосый солдат идет.

2.

С каждым днем становилось горше,
Шли без митингов и знамен.
В окруженье попал под Оршей
Наш потрепанный батальон.
Зинка нас повела в атаку,
Мы пробились по черной ржи,
По воронкам и буеракам,
Через смертные рубежи.
Мы не ждали посмертной славы,
Мы хотели со славой жить.
...Почему же в бинтах кровавых
Светлокосый солдат лежит?

Ее тело своей шинелью
Укрывала я, зубы сжав,
Белорусские ветры пели
О рязанских глухих садах.

3.

— Знаешь, Зинка, я против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Где-то в яблочном захолустье

Мама, мамка твоя живет.
У меня есть друзья, любимый,
У нее ты была одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.
И старушка в цветастом платье
У иконы свечу зажгла.
Я не знаю, как написать ей,
Чтоб тебя она не ждала...

.....
Арсений Тарковский

СУББОТА, 21 ИЮНЯ (86)

Пусть роют щели хоть под воскресенье.
В моих руках надежда на спасенье.
Как я хотел вернуться в до-войны,
Предупредить, кого убить должны.
Мне вон тому сказать необходимо:
«Иди сюда, и смерть промчится мимо».
Я знаю час, когда начнут войну,
Кто выживет, и кто умрет в плену,
И кто из нас окажется героем,
И кто расстрелян будет перед строем,
И сам я видел вражеских солдат,
Уже заполонивших Сталинград,
И видел я, как русская пехота
Штурмует Бранденбургские ворота.
Что до врага, то все известно мне,
Как ни одной разведке на войне.
Я говорю — не слушают, не слышат,
Несут цветы, субботним ветром дышат,
Уходят, пропусков не выдают,

В домашний возвращаются уют.
И я уже не помню сам, откуда
Пришел сюда и что случилось чудо.
Я все забыл. В окне еще светло,
И накрест не заклеено стекло.